

УДК 378.147
ББК 4448.024

ГРНТИ 14.35.01

Код ВАК 5.8.2

Борзова Татьяна Александровна,

SPIN-код: 8643-3914

кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка, Владивостокский государственный университет; 690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: Tatyana.Borzova@vvsu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшие учебные заведения; образовательный процесс; ценностные ориентиры; студенты; целеполагание студентов; мотивационная сфера

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется роль целеполагания в образовательной и будущей профессиональной деятельности обучающихся, а также его взаимосвязь с ценностно-ориентационной сферой личности. Особое внимание уделяется соотношению просоциальных и эгоистических ценностей в структуре целеполагания студентов. Дается краткий обзор современных теоретических подходов к изучению данного феномена. Практическая часть исследования включает анализ данных, полученных в ходе опроса 379 студентов Владивостокского государственного университета (152 юношей и 227 девушек). Респондентам было предложено сформулировать свои жизненные цели на различные временные промежутки. Результаты исследования носят комплексный характер. С одной стороны, выявляются тревожные тенденции, такие как низкий уровень просоциальных мотивов в целеполагании студентов и слабая ориентация на научно-исследовательскую деятельность. Преобладание потребительской мотивации над просоциальной также вызывает определенные опасения. С другой стороны, полученные данные указывают на сохранение значимости семейных ценностей, стремление к приобретению собственного жилья, относительно низкий уровень эмигрантских настроений. Результаты работы представляют высокую практическую значимость и целесообразность проведения подобных мониторинговых исследований на постоянной основе.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борзова, Т. А. Формирование навыков целеполагания в системе высшего образования / Т. А. Борзова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2024. – № 4. – С. 163–175.

Borzova Tatyana Alexandrovna,

Candidate of Culturology, Associate Professor of Department of Russian Language, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

FORMATION OF GOAL SETTING SKILLS IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

KEYWORDS: higher education institutions; educational process; value orientations; students; students' goal setting; motivational sphere

ABSTRACT. The work analyzes the role of goal setting in the educational and future professional activities of students, as well as its relationship with the value-orientation sphere of the individual. Particular attention is paid to the relationship between prosocial and egoistic values in the structure of students' goal setting. A brief overview of modern theoretical approaches to the study of this phenomenon is given. The practical part of the study includes the analysis of data obtained during a survey of 379 students of Vladivostok State University (152 boys and 227 girls). Respondents were asked to formulate their life goals for various time periods. The results of the study are comprehensive. On the one hand, alarming trends are revealed, such as a low level of prosocial motives in students' goal setting and a weak orientation towards research activities. The predominance of consumer motivation over prosocial motivation also raises certain concerns. On the other hand, the data obtained indicate the continued importance of family values, the desire to purchase their own home, and a relatively low level of emigrant sentiment. The results of the work represent high practical significance and the feasibility of conducting such monitoring studies on an ongoing basis.

FOR CITATION: Borzova, T. A. (2024). Formation of Goal Setting Skills in the Higher Education System. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 4, pp. 163–175.

Введение. Предметом настоящего исследования выступает процесс целеполагания в образовательной деятельности современных студентов. Способность обучающихся к формулированию и последовательному достижению жизненных целей является одной из ключевых компетенций, формируемых в ходе получения высшего образования [10].

Изучение данного феномена предполагает рассмотрение как формальной стороны целеполагания, т. е. ценностно-ориента-

ционной деятельности как неотъемлемого компонента человеческой активности в целом [10], так и содержательного наполнения этого процесса. При этом особый акцент делается на выявлении и учете экзистенциальных ориентиров современной молодежи, оказывающих значительное влияние на специфику целеполагания обучающихся. Изучение процесса целеполагания неизбежно опирается на определенную философскую основу.

Цели, которые ставит перед собой тот

или иной индивид, находятся в неразрывной связи с его ценностными ориентациями и характером мотивации. Ценность как таковая представляет собой социальное понятие. В системе ценностей можно выделить как просоциальные установки, направленные на достижение общественного блага, так и сугубо эгоистические. Это создает предпосылки для иерархизации ценностей с точки зрения их социальной значимости.

Просоциальные ценности и широкие социальные мотивы, ориентированные на принесение пользы обществу, способствуют формированию целей деятельности, направленных на поддержание и развитие человеческого сообщества, обогащение общей материальной и духовной культуры. В свою очередь, эгоистические ценности и узкие социальные мотивы, сфокусированные исключительно на обеспечении собственного благополучия, приводят к постановке целей, направленных на достижение личного благосостояния.

Значимость подобных целей в жизни каждого человека отрицать нельзя, однако их преобладание над просоциальными установками несет в себе угрозу атомизации и распада общества.

Очевидно, что характер современного общественного устройства предполагает, что даже достижение сугубо эгоистических целей субъекта так или иначе приносит пользу многим, а не только ему самому в отрыве от социального контекста. Еще со времен Адама Смита известно, что, например, зарабатывая на приобретение частной недвижимости, индивид фактически производит какой-либо востребованный, общественно полезный продукт. Приобретая данную недвижимость, он вкладывает собственные средства в создание рабочих мест в строительной индустрии, промышленности стройматериалов и других смежных производственных областях. Эксплуатируя приобретенную недвижимость, субъект неизбежно инвестирует средства в энергогенерацию, водоснабжение и обеспечение других коммунальных услуг, таким образом, опосредованно участвуя в поддержании функционирования инфраструктуры и жизнедеятельности местного сообщества.

Иными словами, даже сугубо индивидуальные цели и мотивы в условиях современного социально-экономического уклада так или иначе приводят к генерированию общественно значимых результатов. Даже простой акт приема пищи в ресторане подразумевает, что индивид, затратив ранее заработанные средства, опосредованно инвестирует их в функционирование множества отраслей народного хозяйства. Несмотря на очевидность подобных фактов,

они сами по себе не имеют прямого отношения к ценностно-мотивационной сфере и процессу целеполагания личности. Разумеется, общество, состоящее исключительно из эгоистически ориентированных индивидов, вряд ли может считаться жизнеспособным.

Специалисты, занятые в сферах инженерии, педагогики, медицины, социальной работы или управления, должны обладать способностью ставить перед собой не только эгоцентрические, но и просоциальные цели, выходящие за рамки карьерного роста, увеличения личных доходов или расширения собственного потребления. В противном случае даже их профессиональная деятельность может превратиться в формальную, оплачиваемую имитацию. Очевидно, что все мероприятия, направленные на формирование целеполагания у будущих специалистов, должны опираться на глубокое знание исходного уровня развития данного личностного феномена в студенческой среде. Именно комплексное изучение характеристик целеполагания современных студентов представляло собой цель настоящего исследования.

Высшее образование, получаемое современными студентами, может рассматриваться как ключевая инвестиция в их будущее. Однако, несмотря на важное место, которое образование занимает в структуре этого будущего, оно по своей сути носит преимущественно инструментальный характер. Иными словами, образование необходимо человеку не само по себе, а в качестве средства достижения тех или иных жизненных целей, лежащих за его пределами. При этом сам процесс целеполагания требует осознанности и рефлексии со стороны обучающегося. В противном случае студент, ввиду слабо выраженной способности к целеполаганию, едва ли будет отчетливо представлять, для чего именно он обучается и каким образом его образовательная траектория соотносится с его жизненными и профессиональными устремлениями (за исключением формального получения диплома).

Как отмечает О. В. Богородская, одной из ключевых проблем, влияющих на эффективность формирования компетенций у студентов, является недостаточная осознанность их целеполагания [1]. Очевидно, что характер целеполагания обучающихся имеет значение не только для построения их личного будущего, но и для функционирования системы высшего образования в целом, поскольку студент рассматривается в ней в качестве субъекта саморегуляции профессионального целеполагания [22].

Следует отметить, что значимость изучения целеполагания студентов фактически

не зависит от направления их профессиональной подготовки. Так, на актуальность исследований целеполагания у студентов-психологов указывает Л. С. Самсоненко [18], а проблема целеполагания студентов-медиков рассматривается в работах В. Н. Трегубова с соавторами [20]. В качестве инструмента коррекции целеполагания обучающихся современными авторами предлагается использование методов аутотренинга [21]. Более того, М. В. Хребин указывает на необходимость внедрения в процесс профессионального обучения студентов соответствующего психологического сопровождения, которое позволит целенаправленно осуществлять развитие их представлений о самореализации [24].

Таким образом, проблема целеполагания студентов вне зависимости от специфики образовательной программы рассматривается современными исследователями как значимый аспект, требующий пристального внимания и специальных психолого-педагогических мер, направленных на его развитие и коррекцию.

Современная научная литература содержит обширные данные, отражающие результаты исследований целеполагания современных студентов. Каждое из этих исследований раскрывает определенные аспекты данного процесса, а совокупность накопленных знаний позволяет рассматривать целеполагание студентов как целостный, но при этом чрезвычайно многогранный феномен.

В частности, в работе О. И. Дубровиной и М. В. Богдановой изучаются показатели общей и предметной самоэффективности студентов, а также оценивается значимость для них таких профессиональных ценностей, как менеджмент и автономия. Иными словами, в данном исследовании определялось, насколько в представлении испытуемых успешность в будущей карьере связана с предприимчивостью, управленческими способностями, готовностью брать на себя ответственность и решать сложные профессиональные задачи [8].

Таким образом, изучение целеполагания студентов с различных ракурсов способствует накоплению многоаспектных знаний об этом феномене, что позволяет рассматривать его в качестве многогранного, но целостного процесса.

В современных научных исследованиях широко применяется методика SMART-анализа жизненных целей, впервые предложенная известным теоретиком и практиком бизнеса Питером Друкером [7]. Согласно правилу, сформулированному Друкером, цель должна быть конкретной (Specific), измеримой (Measurable), достижимой

(Achievable), актуальной и реалистичной (Realistic), а также определенной во времени (Time-bound).

Среди отечественных авторов, использующих в своих работах SMART-анализ в различных его модификациях, можно отметить Р. Ф. Гарифуллина [4, с. 12], Ю. Т. Глазунова [6, с. 290], М. В. Косцову, А. В. Гришину, В. А. Быструкову [12], Н. Лебедеву [13] и др.

Таким образом, SMART-методика выступает эффективным инструментом структурирования и оценки жизненных и профессиональных целей, что обуславливает ее востребованность в современных научных исследованиях.

Особый подход к исследованию целеполагания студентов представлен в работе Э. Р. Короткевич. В ней отмечается, что в структуре целеполагания студентов можно выделить две основные тенденции: ориентацию на мастерство или ориентацию на результат. Автор показывает, что студенты, ориентированные на достижение мастерства, принимают решение о выборе направления подготовки в университете самостоятельно. Хотя они и ценят поддержку друзей и семьи, конечный выбор является результатом их собственных размышлений, опыта и проявлением независимости. В то же время студенты с ориентацией на результат, как правило, не демонстрируют такой степени самостоятельности в образовательных решениях. Их поступление в университет чаще всего является предрешенным, а не итогом личного выбора. Причины их решений, согласно данному исследованию, отражают влияние внешних факторов, таких как культурные нормы или ожидания семьи в отношении образования [11]. Таким образом, Э. Р. Короткевич выделяет два основных типа целеполагания студентов, различающиеся степенью самостоятельности и локусом контроля в принятии образовательных решений.

Основная цель данного исследования заключается в комплексном изучении феномена целеполагания у современных студентов, его ценностно-мотивационных детерминант и связи с образовательной и будущей профессиональной деятельностью.

Для достижения поставленной цели в исследовании решены следующие задачи: 1) проведен теоретический анализ современных подходов к пониманию сущности и структуры процесса целеполагания; 2) выявлено соотношение просоциальных и эгоистических ценностей в структуре целей студенческой молодежи; 3) изучены особенности целеполагания студентов в контексте их образовательной деятельности и перспектив профессионального развития;

4) проанализирована связь между характером целеполагания студентов и их намерениями в отношении семейной жизни, финансового благополучия, миграционных планов.

Теоретическая значимость данного исследования видится в расширении и углублении научных представлений о феномене целеполагания в студенческом возрасте. Исследование вносит вклад в развитие теоретических моделей и концепций целеполагания, раскрывая его содержательные, динамические и гендерные особенности. Автор уточняет роль и место семейных и брачных перспектив в структуре жизненных целей современных студентов. Это способствует расширению представлений об иерархии и взаимосвязи различных компонентов целеполагания студенческой молодежи. В работе выявляются взаимосвязи между особенностями целеполагания студентов и перспективами развития социального института семьи. Данное исследование может послужить теоретической основой для прогнозирования трансформаций семейно-брачных отношений в современном обществе. Исследование будет способствовать обогащению категориального аппарата психологии и социологии, связанного с изучением мотивационно-целевой сферы личности. Концептуализация феномена целеполагания студентов в его различных аспектах вносит вклад в развитие понятийного поля данных научных дисциплин. Выявление гендерной специфики целеполагания расширяет теоретические представления о роли гендерных факторов в структурировании жизненных целей и личностной мотивации. Таким образом, теоретическая значимость исследования заключается в углублении и расширении научных знаний о феномене целеполагания студенческой молодежи, его структуре, динамике и взаимосвязи с социальными процессами.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой исследования выступают работы известных авторов, занимающихся проблемами целеполагания и мотивации студентов (П. Друкер, Э. Р. Короткевич, А. В. Литвинова, Н. Ю. Литвинова и др.). Исследование базируется на системном подходе к изучению целеполагания как многомерного феномена, включающего различные содержательные, динамические и гендерные аспекты. В рамках настоящего исследования сбор эмпирических данных был осуществлен в 2023–2024 гг. на базе Владивостокского государственного университета (далее – ВВГУ). Выборку респондентов составили студенты первого и второго курсов очной и заочной форм обучения, представляющие различные направления

подготовки, такие как «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Юриспруденция», «Психология», «Лингвистика», «Информационные системы и технологии», «Экономическая безопасность», «Работа с молодежью», «Управление персоналом» и др. Процедура сбора данных предполагала использование методики, предусматривающей самостоятельное обозначение респондентами своих жизненных целей в трех временных перспективах: на один год, пять лет и всю жизнь. Данный формат опроса нередко применяется кадровыми службами в ходе процедур отбора и найма персонала в различных организациях. Таким образом, в ходе реализации исследовательского проекта была сформирована репрезентативная выборка студентов разных направлений подготовки, а применение методики изучения жизненных целей на различных временных отрезках позволило комплексно проанализировать особенности целеполагания современной студенческой молодежи.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с соблюдением принципа анонимности. Общая численность выборки составила 379 респондентов, из которых 152 человека были представителями мужского пола, а 227 – женского. Средний возраст участников мужского пола составил 22,38 года, а женского пола – 21,78 года. Представленный половозрастной состав выборки является типичным и репрезентативным для данной категории респондентов – студентов высших учебных заведений. Соблюдение процедуры анонимного опроса способствовало повышению объективности и достоверности полученных данных, поскольку обеспечивало конфиденциальность личной информации участников исследования. Кроме того, привлечение респондентов разного пола и возраста позволило обеспечить репрезентативность выборки и возможность последующего сравнительного анализа гендерных и возрастных различий в структуре целеполагания студенческой молодежи.

Для оценки статистической значимости различий в количестве однородных жизненных целей, заявленных респондентами мужского и женского пола, был применен метод углового преобразования Фишера (F^*). Данный критерий позволяет определить, являются ли выявленные процентные различия между двумя независимыми выборками достоверными. В соответствии с принятыми статистическими нормами если значение критерия Фишера $F^* \geq 2,31$, то различия между сравниваемыми показателями признаются достоверными на уровне ошибки не более 1% ($p \leq 0,01$). В случае, ес-

ли величина F^* находится в диапазоне от 1,64 ($p \leq 0,05$) до 2,31 ($p \leq 0,01$), различия интерпретируются как сомнительные. Если же значение критерия $F^* < 1,64$ ($p > 0,05$), то различия считаются статистически недо-стоверными.

Применение метода статистического анализа позволило установить наличие или отсутствие значимых гендерных различий в структуре и содержании жизненных целей студенческой молодежи, что являлось одной из задач проводимого исследования.

Анализ результатов. Учитывая, что в исследовании приняли участие студенты высшего учебного заведения, целесообразно в первую очередь обратить внимание на выявленные цели, связанные с образованием.

Так, среди опрошенных студентов старших курсов получение диплома о высшем образовании выступило в качестве ближайшей жизненной цели для 133 юношей (87,5%) и 213 девушек (93,8%). Данные показатели свидетельствуют о том, что завершение текущей образовательной программы и получение высшего образования является ключевой задачей для большинства респондентов вне зависимости от пола. Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера не выявил значимых гендерных различий в данном аспекте целеполагания.

В то же время продолжение образования после завершения бакалавриата (поступление в магистратуру, получение второго высшего образования) рассматривается в качестве жизненной цели 38 юношами (25%) и 76 девушками (33,4%). Данное различие в процентных показателях между представителями мужского и женского пола хотя и не является статистически значимым ($F^* = 1,84$; $p \leq 0,033$), все же указывает на некоторую более выраженную ориентацию девушек на дальнейшее образовательное развитие.

Результаты проведенного исследования позволили установить, что у части респондентов познавательные мотивы, не связанные непосредственно с формальным образованием, фиксируются в качестве самостоятельно сформулированных жизненных целей. Так, расширение кругозора и саморазвитие в данном ключе обозначили 12 юношей (7,8%) и 13 девушек (5,7%). Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (F^*) не выявил достоверных различий между представителями мужского и женского пола в выраженности этих познавательных ориентаций ($p > 0,05$).

В то же время изучение иностранных языков было обозначено в качестве отдельной жизненной цели 10 юношами (6,5%) и 29 девушками (12,7%). Сравнение этих пока-

зателей с использованием критерия F^* Фишера продемонстрировало статистически значимые различия ($F^* = 2,37$, $p < 0,01$). Полученные данные свидетельствуют о том, что девушки в большей степени ориентированы на овладение иностранными языками в контексте своего личностно-профессионального развития.

Таким образом, гендерный анализ структуры жизненных целей студенческой молодежи выявил преобладание познавательных ориентаций у девушек по сравнению с юношами в сфере, не ограниченной рамками формального образования. Данные различия могут быть обусловлены особенностями социализации и гендерной идентичности представителей молодежной когорты.

Помимо непосредственного указания познавательных мотивов и интереса к изучению иностранных языков в качестве самостоятельных жизненных целей, данные эмпирического исследования позволяют предположить возможность реализации данных мотивов и в других сферах жизнедеятельности студентов.

В частности, путешествия были обозначены респондентами в качестве значимой жизненной цели гораздо более широко, нежели специфические познавательные ориентации. Данный факт может свидетельствовать о том, что потребность в расширении кругозора, познании нового и овладении иностранными языками может находить удовлетворение и в контексте туристической активности студенческой молодежи.

Таким образом, несмотря на отсутствие прямого указания на познавательные и языковые мотивы в целеполагании части респондентов, эти мотивационные компоненты могут актуализироваться и реализовываться в рамках других видов жизненной активности студентов, таких как путешествия. Данное предположение требует дополнительной верификации с использованием более развернутого инструментария исследования.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в структуре жизненных целей значительной части респондентов представлены мотивы саморазвития, не связанные непосредственно с познавательными или языковыми ориентациями.

Конкретные формы реализации данного мотива, такие как чтение определенного количества книг, были обозначены 28 юношами (18,4%) и 52 девушками (22,9%). В свою очередь, неконкретные цели, подразумевающие общее «занятие саморазвитием», были отражены 41 юношей (26,9%) и 63 девушками (27,7%). Статистический анализ с применением критерия Фишера не выявил достоверных различий в частоте представленности моти-

вов саморазвития между респондентами мужского и женского пола ($p > 0,05$).

Аналогичная картина наблюдается и в отношении целей, связанных с творческой самореализацией. Данные ориентиры были обозначены 4 юношами (2,6%) и 8 девушками (3,5%). Сравнение этих показателей с применением критерия φ^* Фишера также не продемонстрировало статистически значимых различий между группами ($p > 0,05$).

Таким образом, полученные данные указывают на отсутствие гендерных различий в представлении мотивов саморазвития и творческой самореализации в структуре жизненных целей студенческой молодежи. Эти результаты позволяют предположить относительную универсальность данных личностных ориентаций у представителей обоих полов.

Анализ результатов исследования показал, что исследовательский мотив, связанный с предполагаемой будущей научно-исследовательской деятельностью, представлен в целеполагании студентов в крайне незначительной степени. Данная ориентация была зафиксирована лишь у 2 юношей (1,3%) и 4 девушек (1,7%). Полученные данные позволяют заключить, что подавляющее большинство респондентов не связывают свои жизненные перспективы с научной сферой.

В то же время отдельной значимой целью для многих участников исследования выступало получение водительских прав. Здесь наблюдаются гендерные различия: данная цель была представлена у 16 юношей (10,5%) и 62 девушек (27,3%). Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (φ^*) выявил достоверность этих различий ($\varphi^* = 4,40$, $p < 0,01$). Данный факт может быть обусловлен тем, что большинство юношей, вероятно, уже ранее получили водительские права.

Спортивная активность также нашла отражение в целеполагании студентов. Занятия спортом в качестве жизненной цели обозначили 24 юноши (15,7%) и 24 девушки (10,4%). Сравнение этих показателей с использованием критерия φ^* Фишера продемонстрировало статистически значимые различия на уровне тенденции ($\varphi^* = 1,66$, $p \leq 0,048$). Таким образом, ориентация на спортивную самореализацию несколько более выражена у представителей мужского пола.

Результаты исследования также показали, что забота о собственном здоровье выступает в качестве отдельно обозначенной жизненной цели для ряда респондентов. Как правило, данную ориентацию демонстрировали те участники, которые уже имели определенные проблемы со здоровьем. Так, данная цель была отмечена 16 юноша-

ми (10,5%) и 42 девушками (18,5%). Статистический анализ с использованием углового преобразования Фишера (φ^*) выявил достоверные различия между группами по данному показателю ($\varphi^* = 2,32$, $p < 0,01$). Полученные данные позволяют заключить, что девушки демонстрируют более выраженную озабоченность своим здоровьем по сравнению с юношами.

Необходимо отметить, что трудоустройство, вне зависимости от гендерной принадлежности, было обозначено в качестве жизненной цели всеми участниками исследования без исключения. Вместе с тем на то, что работа должна быть эмоционально привлекательной и «любимой», указали 27 юношей (17,7%) и 60 девушек (26,4%). Анализ с применением критерия φ^* Фишера не выявил статистически достоверных различий между респондентами мужского и женского пола по данному показателю ($\varphi^* = 2,26$, $p \leq 0,012$).

Аналогичная картина наблюдается и в отношении карьерного роста, который был представлен в качестве цели 53 юношами (34,9%) и 85 девушками (37,4%). Сравнение этих показателей не продемонстрировало статистически значимых различий между группами.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об отсутствии выраженных гендерных различий в представленности карьерных ориентаций и установки на выполнение «любимой» работы в структуре жизненных целей студенческой молодежи. В то же время девушки проявляют заметно более высокую озабоченность вопросами сохранения и укрепления своего здоровья.

Результаты исследования показали, что широкие социальные мотивы, направленные на достижение общественной пользы и блага, представлены в целеполагании студентов достаточно скромно. Конкретные формы реализации данных ориентаций, такие как «создание спортивной команды» или «организация приюта для животных», были зафиксированы у 11 юношей (7,2%) и 15 девушек (6,6%). Статистический анализ не выявил значимых различий между представителями мужского и женского пола по данному показателю.

Аналогичная картина наблюдается в отношении неконкретных широких социальных мотивов, выраженных, например, в стремлении «приносить пользу людям». Такие цели были обозначены 7 юношами (4,6%) и 11 девушками (4,8%). Сравнение этих показателей также не продемонстрировало статистически достоверных различий между группами.

Примечательно, что широкие социальные мотивы, даже когда они находят отра-

жение в целеполагании студентов, относительно слабо связываются ими с будущей профессиональной деятельностью. Скорее, эти ориентации воспринимаются респондентами как нечто находящееся за пределами их профессиональной занятости. Данный факт позволяет предположить, что большинство участников исследования рассматривают свое профессиональное будущее преимущественно как работу «на себя», а не как общественно значимый труд.

Такая тенденция представляется достаточно тревожной, поскольку она может свидетельствовать об определенном дефиците социальной ответственности и альтруистических установок в структуре жизненных ценностей студенческой молодежи.

Результаты исследования показали, что мотив аффилиации, т. е. стремление к социальному присоединению, вхождению в группу и дружескому общению, отражен в жизненных целях незначительной части участников. Данная ориентация была зафиксирована у 11 юношей (7,2%) и 22 девушек (9,6%).

Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (χ^2) не выявил статистически значимых различий между представителями мужского и женского пола по данному показателю. Таким образом, выраженность мотива аффилиации в структуре жизненных целей студенческой молодежи не демонстрирует существенной зависимости от гендерной принадлежности респондентов.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для большинства участников исследования потребность в социальном принятии, дружеских связях и групповой принадлежности не является приоритетной в системе их жизненных ориентиров. Данная тенденция требует дальнейшего изучения и анализа возможных причин и предпосылок ее формирования.

Результаты проведенного исследования показывают, что создание семьи является одной из ключевых жизненных целей подавляющего большинства респондентов. Так, данная ориентация была зафиксирована у 108 юношей (71%) и 190 девушек (83,7%). Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (χ^2) выявил достоверные различия между группами по данному показателю, свидетельствующие о том, что девушки достоверно чаще указывали создание семьи в качестве своей жизненной цели ($\chi^2 = 3,23, p < 0,01$).

Примечательно, что даже в тех случаях, когда создание семьи непосредственно не обозначалось в качестве цели, это не означало отказ от намерений вступить в брак в дальнейшем. Лишь один юноша заявил

цель «быть холостым», но и он впоследствии выразил желание создать семью.

Во всех ситуациях, когда участники исследования сообщали о наличии у них партнера противоположного пола, в перечне жизненных целей фиксировалось стремление к официальному оформлению отношений.

Необходимо отметить, что ни один из респондентов не указывал на какие-либо нетрадиционные формы семейно-брачных отношений, которые, по разным источникам, получили определенное распространение в современном обществе.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о сохранении традиционной ориентации большинства студенческой молодежи на создание семьи, при этом девушки демонстрируют более выраженную приверженность данной жизненной цели по сравнению с юношами.

Результаты исследования показывают, что желание иметь детей в качестве одной из жизненных целей обозначили 47 юношей (30,9%) и 102 девушки (44,9%). Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (χ^2) выявил достоверные различия между группами по данному показателю: девушки достоверно чаще заявляли о стремлении к родительству в контексте своих жизненных целей ($\chi^2 = 3,09, p < 0,01$).

Вместе с тем отсутствие указаний на желание иметь детей не следует интерпретировать как наличие противоположной установки. Многие респонденты в своих целевых ориентирах делали акцент не на создании семьи и рождении детей, а, например, на профессиональном развитии и карьерном росте. При этом ни один из участников исследования не заявлял о целенаправленном намерении оставаться бездетным.

Таким образом, полученные данные демонстрируют, что ориентация на родительство в большей степени характерна для девушек, в то время как для некоторых юношей и девушек данная цель не является приоритетной в структуре их жизненных устремлений. Вместе с тем отсутствие подобных намерений не свидетельствует о наличии у респондентов установок на добровольную бездетность.

Анализ данных показал, что не все респонденты конкретизировали желаемое для них количество детей. Так, лишь 17 юношей (11%) высказались на этот счет, в то время как среди девушек таких респондентов было значительно больше – 68 человек (30%). Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (χ^2) выявил достоверные различия между группами в этом аспекте ($\chi^2 = 5,45, p < 0,01$), что в целом

соответствует ожидаемым тенденциям.

Среди тех участников исследования, кто обозначил предпочтительное для себя число детей, средние показатели составили: для девушек – 1,84, для юношей – 1,73. Таким образом, девушки в среднем ориентированы на рождение несколько большего количества детей по сравнению с юношами.

Полученные данные позволяют предположить, что девушки в большей степени склонны к проецированию своих репродуктивных планов и предпочтений, в то время как юноши в меньшей мере готовы к высказыванию конкретных намерений в отношении рождения детей. Вместе с тем средние показатели желаемого числа детей у представителей обоих полов находятся в пределах однодетной или малодетной модели семьи.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что оказание помощи родственникам, прежде всего родителям, является важной жизненной целью для значительной части респондентов. Так, среди юношей данную ориентацию обозначили 27 человек (17,7%), в то время как среди девушек этот показатель был достоверно выше – 86 человек (37,8%) ($\varphi^* = 4,77$; $p < 0,01$).

Наряду с этим, мотив независимости, связанный главным образом со стремлением проживать отдельно от родителей, был обозначен 9 юношами (5,9%) и 26 девушками (11,4%). Статистический анализ показал, что различия между полами по данному показателю находятся на уровне тенденции ($\varphi^* = 2,13$; $p \leq 0,016$).

Однако полученные данные не дают полного представления о ситуации, поскольку из них неизвестно, какая доля участников на момент опроса все еще проживала совместно с родителями. Это обстоятельство может существенно влиять на восприятие и актуальность цели обретения независимости.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что девушки в большей мере ориентированы на оказание помощи родным, в то время как стремление к независимому проживанию более равномерно распределено среди юношей и девушек. Вместе с тем для более полного понимания данного аспекта необходима дополнительная информация о текущих условиях проживания участников.

Анализ жизненных целей, обозначенных участниками исследования, демонстрирует, что значительное место среди них занимает стремление к высокому заработку. Так, 84 юношей (55,2%) и 90 девушек (39,6%) указали данную цель в качестве одной из приоритетных. Статистический анализ с применением углового преобразования Фишера (φ^*) выявил достоверные раз-

личия между группами по данному показателю ($\varphi^* = 3,28$; $p < 0,01$), что может свидетельствовать о сохранении традиционных представлений о мужчине как «кормильце» семьи.

Вместе с тем даже среди тех респондентов, кто не обозначал достижение высоких доходов в качестве жизненной цели, достаточно распространенным являлось намерение осуществить дорогостоящие приобретения, такие как покупка автомобиля, квартиры, дома и т. д. Это также подразумевает необходимость высокого уровня дохода, что, в свою очередь, может выступать мотивирующим фактором для построения карьеры и профессионального развития.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что высокий доход и, как следствие, способность совершать крупные покупки являются значимыми ориентирами для значительной части как юношей, так и девушек. При этом у представителей мужского пола стремление к материальному благополучию выражено в большей степени, что отражает сохраняющиеся традиционные гендерные установки.

Полученные в ходе исследования данные показывают, что приобретение различных товаров и услуг является значимой жизненной целью для большинства респондентов.

Так, покупку автомобиля или иного транспортного средства (мотоцикла, катера) в качестве цели обозначили 56 юношей (36,8%) и 105 девушек (46,2%). Статистический анализ не выявил достоверных различий между группами по данному показателю ($\varphi^* = 2,08$; $p \leq 0,019$).

В то же время приобретение недвижимости (квартиры, дачи, строительство собственного дома) чаще встречалось в качестве цели среди девушек – 144 человека (63,4%), в сравнении с юношами – 77 человек (50,6%). Различия между группами по данному параметру были статистически значимыми ($\varphi^* = 2,68$; $p < 0,01$).

Кроме того, 18 юношей (11,8%) и 29 девушек (12,7%) указывали иные дорогостоящие покупки и мероприятия, связанные с расходами (приобретение домашних животных, ремонт жилища и т. д.).

Открытие собственного дела (запуск бизнеса) в качестве жизненной цели обозначили 48 юношей (31,4%) и 55 девушек (24,4%). Статистический анализ показал, что различия по данному параметру находятся на уровне тенденции ($\varphi^* = 1,65$; $p \leq 0,049$).

Наконец, путешествия как значимую цель указали 63 юноши (41,4%) и 163 девушки (71,8%). Очевидно, что девушки достоверно чаще ориентированы на реализацию данной цели ($\varphi^* = 6,55$; $p < 0,01$).

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что материальные приобретения и планирование крупных расходов являются важными ориентирами как для юношей, так и для девушек. При этом девушки чаще ставят целью покупку недвижимости и совершение поездок, в то время как для юношей более характерно стремление к открытию собственного дела.

Анализ данных дополнительно показывает, что 19 юношей (12,5%) и 36 девушек (15,8%) указали в качестве жизненной цели реализацию различных хобби или форм досуга, не связанных с путешествиями, покупками или спортивными занятиями. Сюда входили самые разнообразные увлечения, вплоть до экспериментов с собственной внешностью (пирсинг, татуировки).

Полученные результаты в целом демонстрируют преобладание у опрошенных потребительской мотивации над просоциальной. Данное явление представляется вполне закономерным в контексте социально-исторических изменений, произошедших в России за последние десятилетия.

После распада Советского Союза, в котором насаждался принудительный альтруизм, общественные настроения не могли не качнуться в противоположную сторону. Нынешнее поколение студентов, участвовавших в исследовании, выросло уже в условиях потребительского общества и не знает иной реальности. В этих условиях ориентация на личное благополучие и материальное благосостояние становится ведущим жизненным ориентиром для многих молодых людей.

В современном научном дискурсе широко обсуждается проблема распространенной тенденции среди студенческой молодежи к эмиграции и отъезду на постоянное место жительства за рубеж, что зачастую рассматривается как «утечка мозгов» [3]. Однако полученные в рамках данного исследования данные показывают, что у опрошенных респондентов не выявлено явного стремления к эмиграции.

Так, среди юношей желание эмигрировать выразили лишь 16 человек (10,5%), в то время как среди девушек данная доля была вдвое ниже – 12 человек (5,2%). Статистический анализ показал, что различия между группами находятся на уровне тенденции ($\phi^* = 2,1$; $p \leq 0,018$). В целом намерение эмигрировать обозначили 7,1% респондентов.

Вместе с тем даже наличие сформулированного намерения эмигрировать на момент опроса не гарантирует его последующую реализацию. Любопытно, что путешествия по другим странам с развлекательными и познавательными целями привлекают девушек значительно больше, чем

непосредственно эмиграция, где, напротив, юноши демонстрируют больший интерес.

Таким образом, несмотря на существующие в научной литературе представления о масштабности «утечки мозгов» среди студенческой молодежи, полученные в рамках данного исследования данные не подтверждают наличие повального стремления к эмиграции среди опрошенных респондентов. Выявленные тенденции скорее указывают на более выраженный интерес к зарубежным поездкам в познавательных и развлекательных целях, нежели к переезду на постоянное место жительства.

Анализ полученных данных также выявил ряд менее распространенных целевых ориентаций среди опрошенных респондентов.

Так, стремление к власти было отмечено в качестве жизненной цели у 5 юношей (3,3%) и 7 девушек (3%).

Ориентация на консервативные мотивы (стремление к стабильности, неизменным правилам жизни) была выявлена у 2 юношей (1,3%) и 11 девушек (4,4%). Различия между группами по данному параметру находятся на уровне статистической тенденции ($\phi^* = 2,23$; $p \leq 0,013$).

Мотив избегания неудач проявился в целеполагании лишь одного юноши (0,65%) и двух девушек (0,8%), что может свидетельствовать о значительной внутренней свободе и ориентации опрошенных преимущественно на достигательную мотивацию.

Также единичные случаи были зафиксированы в отношении мотива идентификации с кумиром (один юноша, выразивший желание во всем походить на своего дядю – известного политического деятеля) и мотива популярности и престижа (одна девушка, заявившая целью «быть популярной, и чтобы все видели, с кем имеют дело»).

Таким образом, наряду с преобладающими прагматическими, потребительскими целевыми ориентациями, выявлен ряд более редких мотивационных установок, отражающих социально-психологические особенности современной студенческой молодежи.

Результаты исследования также выявили некоторые гендерные особенности в количестве заявленных жизненных целей. Так, у девушек-респондентов в среднем было зафиксировано 8,1 целевой ориентации, в то время как у юношей этот показатель составил в среднем 6,6.

Данные различия в количестве сформулированных жизненных целей могут свидетельствовать о более разнообразной и дифференцированной структуре целеполагания у студенток по сравнению с их мужскими сверстниками.

Дискуссионные вопросы. Проведенное исследование позволило выявить

специфические характеристики целевых ориентаций современной студенческой молодежи, а также обозначить гендерные особенности в данной сфере. Полученные результаты расширяют имеющиеся представления об особенностях жизненного целеполагания в период обучения в высшей школе.

Современные исследования целеполагания студенческой молодежи раскрывают различные содержательные аспекты данного феномена и не находятся в противоречии с представленными результатами исследования.

Так, в работах А. В. Литвиновой акцентируется внимание на процессе сепарации студентов от родителей как важном компоненте их целеполагания [15]. Автор отмечает, что успешное преодоление психологической зависимости от семьи и обретение личностной автономии выступает необходимым условием для формирования адекватной, самостоятельной системы жизненных целей и ценностей у студенческой молодежи.

В исследовании Н. Ю. Литвиновой выявлена тенденция к доминированию у современных студентов личностно-престижной мотивации, ориентированной на достижение социального статуса и избегание неудач [16]. При этом в структуре их целеполагания наблюдается снижение показателей деловой и коллективистской мотивации, что свидетельствует об определенной трансформации ценностно-смысловых ориентаций студентов в сторону усиления индивидуалистических установок [25].

Данные тенденции могут оказывать влияние на характер профессиональных и жизненных целей молодежи, актуализируя задачи по формированию у них просоциальной направленности, готовности к взаимодействию и сотрудничеству. Эффективное решение этих задач требует более глубокого изучения психологических механизмов целеполагания, особенностей его развития в юношеском возрасте.

Кроме того, выявленные в исследованиях особенности целеполагания студентов необходимо учитывать при разработке и реализации программ личностно-профессионального развития будущих специалистов в системе высшего образования.

Изучение целеполагания студентов представляется актуальным, в том числе и потому, что в структуре их жизненных целей значительное место занимают перспективы собственной семейной жизни. Это представляется особенно важным с учетом современных тенденций, связанных с кризисом института семьи. Так, С. А. Ильиных обращает внимание на трансформацию системы семейных ценностей [9], Т. А. Борзова акцентирует свое внимание на формиро-

вании гражданских семейных ориентиров молодежи в современном социуме [2], а В. Я. Нагевичене рассматривает появление альтернативных форм брака [17]. Исследования целеполагания студентов позволяют в определенной мере прогнозировать дальнейшие перспективы развития социального института семьи и брака [22]. При этом особое значение приобретает сравнительный анализ целеполагания в зависимости от пола респондентов.

Таким образом, современные научные работы характеризуются многоаспектным изучением феномена целеполагания студенческой молодежи, раскрывающим его содержательные, динамические и гендерные особенности.

Заключение. Представленные результаты исследования позволяют сформировать целостное представление о структуре жизненного целеполагания современных студентов, что имеет важное значение для разработки актуальных направлений воспитательной работы, ориентированной на развитие у обучающихся навыков осознанного целеполагания.

Следует отметить, что данные социально-психологические исследования сами по себе несут определенный воспитательный потенциал. Так, анализ полученных анкетных данных свидетельствует, что для многих студентов формулирование собственных жизненных целей зачастую становится одним из первых опытов подобной рефлексивной работы.

Особое внимание в рамках воспитательной деятельности следует уделять развитию у студентов целей, ориентированных на широкие социальные мотивы, в том числе в контексте их будущей профессиональной деятельности [21]. Данный аспект представляется слабым звеном в структуре целеполагания опрошенных респондентов.

Кроме того, необходимо акцентировать усилия на формировании у обучающихся познавательной и исследовательской мотивации, что будет способствовать повышению осознанности и глубины процессов целеполагания.

Представленные в исследовании данные выходят за рамки изучения исключительно особенностей целеполагания и отражают определенные социально-экономические и политические тенденции ближайшего будущего.

Так, результаты опроса не зафиксировали явных признаков кризиса семейных ценностей, на который в настоящее время часто обращается внимание. Подавляющее большинство респондентов выразили желание создать традиционную семью, при этом только один участник указал в каче-

стве цели наличие помимо жены еще и любовницы.

Важный аспект представляют взгляды испытуемых относительно дальнейшего трудоустройства. Вопреки распространенному мнению о необходимости развития малого и среднего бизнеса как основы экономики, стремление организовать собственное дело выразили менее трети юношей и менее четверти девушек. Остальные участники ориентированы преимущественно на наемный труд.

В современной научной литературе значительное внимание уделяется вопросам мобильности рабочей силы, которая подразумевает способность работников свободно перемещаться между рабочими местами, организациями, а также географическими регионами [14; 19]. Повышение данного вида мобильности рассматривается как важный ресурс для экономического роста.

Однако необходимо учитывать, что такая экономически обоснованная мобильность в определенной степени способствует разрушению устойчивой оседлой культуры, которая составляет значительный компонент национальной идентичности в нашей стране.

Выявленные в проведенном исследовании тенденции, связанные со стремлением студентов к приобретению собственного жилья, а не проживанию в съемном, противоречат идее повышения мобильности трудовых ресурсов [5]. Следует отметить, что в Российской Федерации большинство населения являются собственниками жилья, что также снижает их готовность к частой смене места проживания.

Кроме того, традиционно высокий уровень близких взаимоотношений студентов со старшим (родительским) поколением,

отраженный в данных исследования, также выступает фактором, сдерживающим мобильность выпускников вузов. Не все молодые специалисты готовы на длительное время покинуть родительский дом, переезжая к месту работы в другой регион.

Представленные выше результаты и их анализ позволяют заключить, что исследования особенностей целеполагания студентов и реализация мер, направленных на формирование у будущих специалистов навыков осознанного целеполагания, должны стать неотъемлемым компонентом учебно-воспитательного процесса в вузе.

Включение данной проблематики в образовательную практику высшей школы обеспечивает возможность не только способствовать развитию у обучающихся просоциальных ценностных ориентаций, но и отслеживать актуальные тенденции в структуре их жизненного и профессионального целеполагания.

Систематическое изучение особенностей целеполагания студенческой молодежи позволяет своевременно выявлять и корректировать возникающие диспропорции в их ценностно-мотивационной сфере, что имеет важное значение для совершенствования воспитательной работы в вузе, а также разработки эффективных программ личностно-профессионального развития будущих специалистов.

Таким образом, интеграция исследований целеполагания в учебный процесс высшей школы выступает действенным инструментом мониторинга актуальных тенденций в системе ценностных ориентаций и жизненных целей обучающихся, что обеспечивает возможность повышения качества их подготовки в соответствии с требованиями современного общества и рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородская, О. В. Осознанное целеполагание как ключевая компетенция в рефлексии учебной деятельности студентов / О. В. Богородская. – Текст : непосредственный // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 4. – С. 13.
2. Борзова, Т. А. Приобщение студентов высшей школы к ценностным принципам русской цивилизации в рамках дисциплины «Основы российской государственности» / Т. А. Борзова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 6 (103). – С. 114–116. – DOI: 10.24412/1991-5497-2023-6103-114-116.
3. Борисова, А. А. Трудовая миграция российской молодежи: государственные программы поддержки возвратности / А. А. Борисова. – Текст : непосредственный // Экономика труда. – 2019. – № 1. – С. 599–612.
4. Гарифуллин, Р. Ф. Стратегии, планирование и достижение цели / Р. Ф. Гарифуллин. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2011. – № 6. – С. 11–17.
5. Гильдингерш, М. Г. Концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы / М. Г. Гильдингерш, М. Е. Добрусина. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 102–105.
6. Глазунов, Ю. Т. Целеполагание и мотивация / Ю. Т. Глазунов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного технического университета. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 288–299.
7. Друкер, П. Практика менеджмента / П. Друкер. – М. : Вильямс, 2009. – 400 с. – Текст : непосредственный.
8. Дубровина, О. И. Представления о карьерной самоэффективности студентов разных форм обучения (на примере направления «Психология») / О. И. Дубровина, М. В. Богданова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 3. – С. 74–79.

9. Ильиных, С. А. Семейные ценности молодежи – традиции и трансформации / С. А. Ильиных. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4. – С. 220–232.
10. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1974. – 328 с. – Текст : непосредственный.
11. Короткевич, Э. Р. Учебная мотивация современного студента в контексте теории достижения целей / Э. Р. Короткевич. – Текст : непосредственный // Образовательные ресурсы и технологии. – 2019. – № 3. – С. 27–32.
12. Косцова, М. В. Специфика целеполагания студентов будущих переводчиков / М. В. Косцова, А. В. Гришина, В. А. Быстрыков. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 327–333.
13. Лебедева, Н. Правила постановки целей / Н. Лебедева. – Текст : электронный // Кадровое дело. – 2004. – № 12. – URL: <https://www.ippnou.ru/print/000873/> (дата обращения: 14.05.2024).
14. Леманова, П. В. Влияние мобильности рабочей силы на состояние рынка труда / П. В. Леманова. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2015. – № 1. – С. 104–107.
15. Литвинова, А. В. Взаимосвязь психологической сепарации от родителей и целеполагания студентов из полных семей / А. В. Литвинова. – Текст : непосредственный // Психология и психотехника. – 2019. – № 4. – С. 1–14.
16. Литвинова, Н. Ю. Реализация государственной молодежной политики в системе высшего образования средствами технологии рефлексии и смысло-жизненных ориентаций / Н. Ю. Литвинова. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1. – С. 11–13. – DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00004.
17. Нагевичене, В. Я. Гендерные ролевые девиации как факторы кризиса семьи / В. Я. Нагевичене. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10. – С. 189–192.
18. Самсоненко, Л. С. Развитие способности к целеполаганию у студентов-психологов на разных этапах обучения в вузе / Л. С. Самсоненко. – Текст : непосредственный // Хуманитарни Балкански изследвания. – 2019. – № 2. – С. 72–74.
19. Севостьянов, Д. А. Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ / Д. А. Севостьянов, А. Р. Гайнанова. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2019. – № 7. – С. 43–53.
20. Трегубов, В. Н. Оптимизация методики формирования жизненных целей при подготовке будущих врачей по специальности «Медико-профилактическое дело» / В. Н. Трегубов, И. И. Якушина, И. Ю. Романова. – Текст : непосредственный // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2019. – № 4. – С. 96–103. – DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14007.
21. Филатова-Сафронова, М. А. Смысловые конструкты целеполагания выпускников вузов в ходе аутотренинговой деятельности / М. А. Филатова-Сафронова, Д. Р. Курамшина. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 350–357. – DOI: 10.24411/2076-1503-2020-00598.
22. Харитонов, А. С. Субъектная саморегуляция как социально-психологический механизм профессионального целеполагания студентов вуза / А. С. Харитонов, Ф. Г. Мухамензянова. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 2. – С. 116–120.
23. Хачатрян, Л. А. Тенденции изменения современной российской семьи / Л. А. Хачатрян. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 111–120.
24. Хребин, М. В. Развитие представлений студентов о самореализации в процессе их профессионального становления / М. В. Хребин. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-1. – С. 399–402.
25. Чириканова, Е. А. Малый и средний бизнес в России / Е. А. Чириканова. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 257–259. – DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10633.

REFERENCES

1. Bogorodskaya, O. V. (2016). Osoznannoe tselepolaganie kak klyuchevaya kompetentsiya v refleksii uchebnoi deyatel'nosti studentov [Conscious Goal Setting as a Key Competence in the Reflection of Students' Educational Activities]. In *Vestnik Mininskogo universiteta*. No. 4, p. 13.
2. Borzova, T. A. (2023). Priobshchenie studentov vysshei shkoly k tsennostnym printsipam russkoi tsivilizatsii v ramkakh distsipliny «Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti» [Introducing Students of Higher Education to the Value Principles of Russian Civilization within the Framework of the Discipline “Fundamentals of Russian Statehood”]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 6 (103), pp. 114–116. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-6103-114-116.
3. Borisova, A. A. (2019). Trudovaya migratsiya rossiiskoi molodezhi: gosudarstvennye programmy podderzhki vozvratnosti [Labor Migration of Russian Youth: State Programs to Support Return]. In *Ekonomika truda*. No. 1, pp. 599–612.
4. Garifullin, R. F. (2011). Strategii, planirovanie i dostizhenie tseli [Strategies, Planning and Achieving Goals]. In *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. No. 6, pp. 11–17.
5. Gildingers, M. G., Dobrusina, M. E. (2013). Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu professional'noi mobil'nosti rabochei sily [Conceptual Approaches to the Formation of Professional Mobility of the Workforce]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 377, pp. 102–105.
6. Glazunov, Yu. T. (2013). Tselepolaganie i motivatsiya [Goal Setting and Motivation]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 16. No. 2, pp. 288–299.
7. Druker, P. (2009). *Praktika menedzhmenta* [Management Practice]. Moscow, Vil'yams. 400 p.

8. Dubrovina, O. I., Bogdanova, M. V. (2019). Predstavleniya o kar'ernoj samoeffektivnosti studentov raznykh form obucheniya (na primere napravleniya «Psikhologiya») [Ideas about the Career Self-Efficacy of Students of Different Forms of Education (Using the Example of the Field of Psychology)]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 3, pp. 74–79.
9. Ilinykh, S. A. (2012). Semeinye tsennosti molodezhi – traditsii i transformatsii [Family Values of Youth – Traditions and Transformations]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 4, pp. 220–232.
10. Kagan, M. S. (1974). *Chelovecheskaya deyatel'nost' (opyt sistemnogo analiza)* [Human Activity (Experience of System Analysis)]. Moscow, Politizdat. 328 p.
11. Korotkevich, E. R. (2019). Uchebnaya motivatsiya sovremennogo studenta v kontekste teorii dostizheniya tselei [Academic Motivation of a Modern Student in the Context of the Theory of Achieving Goals]. In *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. No. 3, pp. 27–32.
12. Kostsova, M. V., Grishina, A. V., Bystryukov, V. A. (2020). Spetsifika tselepolaganiya studentov budushchikh perevodchikov [Specifics of Goal Setting of Students of Future Translators]. In *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 327–333.
13. Lebedeva, N. (2004). Pravila postanovki tselei [Rules for Setting Goals]. In *Kadrovoe delo*. No. 12. URL: <https://www.ipnou.ru/print/000873/> (mode of access: 14.05.2024).
14. Lemanova, P. V. (2015). Vliyaniye mobil'nosti rabochei sily na sostoyaniye rynka truda [The Influence of Labor Mobility on the State of the Labor Market]. In *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. No. 1, pp. 104–107.
15. Litvinova, A. V. (2019). Vzaimosvyaz' psikhologicheskoi separatsii ot roditel'ei i tselepolaganiya studentov iz polnykh semei [The Relationship between Psychological Separation from Parents and Goal Setting of Students from Intact Families]. In *Psikhologiya i psihotekhnika*. No. 4, pp. 1–14.
16. Litvinova, N. Yu. (2020). Realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v sisteme vysshego obrazovaniya sredstvami tekhnologii refleksii i smyslozhiznennykh orientatsii [Implementation of State Youth Policy in the System of Higher Education by Means of Technology of Reflection and Life-Meaning Orientations]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 1, pp. 11–13. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00004.
17. Nagevichene, V. Ya. (2012). Gendernye rolye devyatsii kak faktory krizisa sem'i [Gender Role Deviations as Factors of Family Crisis]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. No. 10, pp. 189–192.
18. Samsonenko, L. S. (2019). Razvitiye sposobnosti k tselepolaganii u studentov-psikhologov na raznykh etapakh obucheniya v vuze [Development of the Ability to Set Goals in Student Psychologists at Different Stages of Study at the University]. In *Khumanitarni Balkanski izsledvaniya*. No. 2, pp. 72–74.
19. Sevostyanov, D. A., Gaynanova, A. R. (2019). Tselepolaganie sovremennykh studentov: inversivnyi analiz [Goal Setting of Modern Students: Inverse Analysis]. In *Vyshee obrazovanie v Rossii*. No. 7, pp. 43–53.
20. Tregubov, V. N., Yakushina, I. I., Romanova, I. Yu. (2019). Optimizatsiya metodiki formirovaniya zhiznennykh tselei pri podgotovke budushchikh vrachei po spetsial'nosti «Mediko-profilakticheskoe delo» [Optimization of the Methodology for Forming Life Goals in the Training of Future Doctors in the Specialty “Medical and Preventive Care”]. In *Meditinskoe obrazovanie i professional'noe razvitiye*. No. 4, pp. 96–103. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14007.
21. Filatova-Safronova, M. A., Kuramshina, D. R. (2020). Smyslovye konstrukty tselepolaganiya vypusnikov vuzov v khode autotreningovoi deyatel'nosti [Meaningful Constructs of Goal Setting of University Graduates During Autotraining Activities]. In *Obrazovanie i pravo*. No. 9, pp. 350–357. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-00598.
22. Kharitonova, A. S., Mukhamenzyanova, F. G. (2019). Sub'ektnaya samoregulyatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii mekhanizm professional'nogo tselepolaganiya studentov vuza [Subjective Self-Regulation as a Socio-Psychological Mechanism of Professional Goal Setting for University Students]. In *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 116–120.
23. Khachatryan, L. A. (2014). Tendentsii izmeneniya sovremennoi rossiiskoi sem'i [Trends in Changes in the Modern Russian Family]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. No. 4, pp. 111–120.
24. Khrebin, M. V. (2019). Razvitiye predstavlenii studentov o samorealizatsii v protsesse ikh professional'nogo stanovleniya [Development of Students' Ideas about Self-Realization in the Process of Their Professional Development]. In *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. No. 62-1, pp. 399–402.
25. Chirikanova, E. A. (2020). Malyye i sredniy biznes v Rossii [Small and Medium Business in Russia]. In *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 7, pp. 257–259. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10633.